

Северорусская и южнорусская народности. Этнокультурные и политические аспекты

Среди множества устойчивых стереотипов, усваиваемых нами с детства, есть один, состоящий в том, что русский народ мыслится как нерасчлененная целостность. Априорное полагание народа как некоего мифологического, однородного и нерасчленимого единства примечательно тем, что противоречит нашему собственному опыту. Однако, как это и должно быть, обыденное сознание не схватывает противоречия, и в одних контекстах мы отчетливо понимаем — есть "мы" и есть "они". А в других — мыслим себя как однородное единство.

В данном случае мы имеем дело с мощнейшей идеологической инерцией. Памятные каждому заклинательные рассуждения о "нерушимом единстве" лежали в русле давней традиции, далеко выходящей за хронологические рамки советского периода. Между тем, в реальной жизни любой наблюдательный человек обнаруживал однажды, что при всем бесконечном разнообразии местных особенностей — говоров, манеры поведения, характеров — население России распадается на две большие группы — южан и северян. И за этим эмпирическим наблюдением стоит многое.

В 20-е годы было впервые опубликовано фундаментальное исследование выдающегося русского этнографа Д.К. Зеленина. В этой работе ученый делает принципиально важный вывод о существовании двух близких, но тем не менее разных русских народностей: севернорусской (окающий диалект) и южнорусской (акающий диалект). Отмечая, что этнографические и диалектологические отличия южнорусского населения от северного значительно больше, чем отличия последнего от белоруссов, Зеленин предлагает следующее деление восточных славян: украинцы, белорусы, северорусские и

южнорусские¹. Исследователь отмечает, что, хотя среднерусская (т.е. московская) культура широко распространилась на юг и на север, не может быть речи о слиянии двух русских народностей. Это положение было высказано в послереволюционную эпоху, но и сегодня, спустя 70 лет, можно подтвердить вывод ученого. Север и Юг сохранили свои качественные отличия. Носители северо- и южнорусского типов хорошо осознают свою самость и дистанцированность друг от друга. В новом, уже индустриальном контексте, воспроизводится не только нетождественность, но и своеобразное противостояние севера и юга России. Последствия этого малоосознаваемого социокультурного феномена не так давно сказывались на актуальной политике нашей страны. Одним из факторов, постоянно мешавших Горбачеву, была неистребимая южнорусская идентификация этого политического лидера, характерный и неустрашимый акцент. В иррациональном по своей сути отторжении крупного политика — выходца из юга России, выступает устойчивый рефлекс. В массовом сознании живет восходящая едва ли не к Смутному времени установка: представление о Юге как другом, не вполне освоенном и опасном пространстве. Для того чтобы понять истоки этих представлений, следует обратиться к истории.

Надо сказать, что проблема этногенеза русского народа — мы имеем в виду великороссов — разработана недостаточно. В ее трактовке постоянно чувствовалось влияние превходящих идеологических соображений. Тем не менее, некоторые положения устоялись и не рождают возражений. Так, устоялось представление о том, что великороссы возникли в результате ассимиляции славянами угро-финских племен и народностей, населявших зону расселения славян². По существу, процесс славяно-угро-финской ассимиляции — константа русской истории. Не прекращаясь, он идет более тысячи лет. Существующие сегодня угро-финские народы Российской Федерации — лишь остатки безграничного моря, заполнявшего собой всю лесную зону. Значительная их часть приняла русский язык, христианизовалась и только известная территориальная изоляция, этническое самосознание и некоторые особенности образа жизни поддерживают историческое бытие этих этносов. Все остальные угро-финны слились со славянами, обеспечив, среди прочего, рост численности русского народа³. Сегодня русские представляют собой палитру типов, в которой в различных пропорциях смешаны славянский и угро-фин-

¹ См. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С 30—32.

² В объемном отношении за угро-финнами (меря, мурома) следуют балты (ятвяги, голядь) и, наконец, разнообразные степняки.

³ Отметим, что в X в. численность русских славян и литовских племен была сопоставима. Сегодня же русские в 20—30 раз превосходят численность латышей и литовцев. Без огромной ассимиляции такой рост населения был бы невозможен.

ский компоненты. И хотя мы не располагаем оценками специалистов, доминирующий тип жителя северо-восточной Руси рождает ощущение, что объем угро-финского компонента сопоставим, если не превосходит, исходный славянский. Славяне были более пассионарны, обгоняли угро-финские племена стадияльно. Естественно, что они стали ядром этнической консолидации.

Слияние угро-финнов и славян определялось не только стадияльной близостью, но и еще одним обстоятельством. И те, и другие были народами *лесной зоны*. И это — важный момент. Все известные версии этногенеза славян совпадают в одном: они помещают прародину славян в лесистой местности. Лес окружал и сопутствовал славянину с первого дня его исторического существования. Жизнь в лесной полосе, расселение по речным системам и освоение пойм — одна из самых устойчивых характеристик как восточных славян, так и русского народа. Это обстоятельство заключает в себе культурную типологию. Осваивающий лесную зону земледелец — фундаментальная стратегия исторического бытия. Подчеркнем, что это не внешняя, подверженная изменениям характеристика, но глубинный момент, структурирующий собой весь этнокультурный универсум; единство, в котором объединяется тип связи с кормящим ландшафтом, антропологический тип и определенная ментальность.

Однако далее в процессы этногенеза вмешивается географический фактор. Открывшаяся для славянского расселения территория европейской России распадается на две зоны. Северную — лесную и южную — степную. Граница между ними приблизительно соответствует, линии проведенной на карте от Киева до устья реки Камы. Исторически, земледельцу лесной зоны соседствовал и противостоял кочевник южнорусских степей. С первых дней русской истории теснейшее взаимодействие со степью — противостояние, диалог, взаимообмен и взаимовлияние — константа российского бытия.

Однако продвижение в степь отрывало русского человека от материнского ландшафта и погружало в совершенно иной, степной мир. Между тем, в массовом порядке житель лесной зоны не может стать степняком. Разрешение данного противоречия лежало на пути *дивергенции этноса*. Вообще говоря, этот процесс шел с первых дней и, как показывают современные исследования новгородских археологических материалов, русская целостность изначально интегрировала два исходных компонента. Северный и южный центры Киевской Руси задавались двумя самостоятельными потоками славянского расселения.

Для нас важно, что в результате этногенеза на юге формируется этнос, органически вписанный в лесостепную зону. На севере же, в рамках другого потока заселения и в совсем иной ландшафтной ситуации складывается северорусский этнический тип. Существо-

вание на границах степи задавало постоянные контакты со степняками. Л.Н.Гумилев неоднократно подчеркивал: в силу особенностей традиционного хозяйства кочевник и земледелец нуждались в постоянном товарообмене. Это толкало их селиться вблизи друг друга и, в конечном счете, вело к этническому и политическому синтезу. Процесс ассимиляции южнорусских славян с бесчисленными племенами степной зоны шел веками, так же как и славяно-угро-финский синтез на востоке. В результате складывается самостоятельная этническая целостность, идеально адаптированная к жизни в южных степях и способная противостоять любому природному кочевнику. Так, за счет этнической дивергенции русская целостность осваивала две ландшафтные зоны: лесную и степную. В результате на территории России сложились два субэтнуса — южнорусский и северорусский.

Проблематика южнорусского субэтнуса выводит нас на проблему этногенеза казачества. Эта проблема отечественной истории одна из самых запутанных и более всего пострадавших по идеологическим основаниям. Официальная версия этногенеза состояла в том, что казачество сложилось из беглых крестьян, ухидивших в "Дикое поле". Такое объяснение противоречит данным этнографических, антропологических, диалектологических исследований. Сегодня эта проблема дискутируется в профессиональной печати. Я придерживаюсь той точки зрения, что казаки — результат этнической ассимиляции природных степняков, прежде всего половцев. Аргументация данной позиции лежит за рамками выступления, но в общем виде ее можно описать.

Если в лесной зоне шла постоянная взаимоассимиляция, то в степной, помимо слияния, в котором вырабатывался тип восточного славянина вписанного в лесостепь, шел и процесс культурной ассимиляции степняков (торки, берендеи, половцы) в котором доминировало не этническое растворение степи, а культурная ассимиляция. Так появились казаки. Безусловно в этническом типе казака присутствует и славянский, и русский компоненты, но природно-степной этнокультурный комплекс явно доминирует.

Надо сказать, что деление на Север и Юг справедливо для Европейской России, явившейся лоном формирования нашего народа. В ходе истории, по мере дальнейшего расселения, происходило усложнение этнической структуры великорусского этноса. Население Сибири и Дальнего Востока формировалось выходцами как с севера, так и с юга. Есть основания полагать, что в Сибири складывается самостоятельная ветвь русского этноса, которая сейчас находится в стадии формирования. Кроме того, исследуя северо-западный регион, историки и этнографы обнаруживают границу, по которой северорусская народность распадается на новгородскую и московскую ветви.

Однако самым существенным является дробление на север и юг России. Северорусская и Южнорусская этнокультурная идентичность значимее всех различий внутри этих больших блоков.

Многообразные различия южнорусского и северорусского субэтносов — специальная тема. В порядке перечисления отметим:

значительное расхождение северных и южных диалектов. Разительно отличаются как говоры, так и словари. По сей день в южнорусских диалектах сохраняется масса тюркских слов. Существенно отличается бытовая культура, северная и южная кухни. Традиционная художественная культура. Обрядовый и песенный фольклор. Северная и южная песенные традиции;

существует резкое, очевидное различие антропологического типа. Южноруссов отличает иной темперамент, стиль общения, то, что называют характер;

особенности хозяйственной деятельности. Обращаясь к этой теме, Гумилев замечает, что если североруссы осваивают поймы и междуречья, то южноруссы — безлесые степные пространства водоразделов. Хозяйственная деятельность северорусса формировалась в лесу и ориентирована на избыток дерева. Южнорусса — в степи и ориентирована на дефицит последнего. В частной застройке степной зоны до сих пор воспроизводится в высшей степени характерное традиционное жилище степняка: невысокая, приземистая мазанка с малыми окнами, и непременными ставнями;

особенности социального устройства. Самая яркая из них в том, что казачество сохранило основной институт военной демократии — Войсковой круг. На севере он исчезает как политический институт на заре становления государства. Вековая форма самоорганизации сохранялась до революции на самом низовом уровне — сельского схода. Войсковой же круг решал вопросы войны и мира, т.е. был политическим институтом еще в эпоху Гражданской войны. Сейчас, на наших глазах, идет возрождение этого института военной демократии;

наконец, зримо различается ментальность. На юге сохранился этнос военной демократии. Для казака мужчина — воин. Война — инициация, сакральное испытание. Все вместе это формирует особый национальный характер. Перечисленные различия суммируются в самосознании. Север и Юг отделяют себя друг от друга. Все эти моменты зримы для простого наблюдателя. Когда едешь с севера на юг, то в какой-то момент обнаруживаешь, что оказался в другой стране.

Итак, лесная и степная ландшафтные зоны формируют соответствующие им этнокультурные целостности, идеально пригнанные к вмещающему ландшафту и отвечающие требованиям Леса или Степи как среды обитания. Нуждаясь друг в друге хозяйственно-экономически, и обреченные на интеграцию в рамках единого государства, они

весьма и весьма расходятся в глубинных этнических, культурных и психологических характеристиках. Суммируя эти различия, можно сказать, что жители лесной и степной зоны различаются в своей общеисторической интенции. Перед нами не просто две различающиеся культуры, но различные исторические стратегии. Исследуя этот феномен, Гумилев отмечает, что если нормальное земледельческое общество демонстрирует классическое стадийное развитие, то развитие племен, живущих в девственном ландшафте, идет асинхронно. И при том, что "археологические культуры сменяют одна другую, этносы возникают и исчезают, формация остается той же — первобытно-общинной на стадии военной демократии"¹.

В номадических и полукочевых этносах живет психология, культура и этнос эпохи военной демократии. В этих культурах ревностно сохраняются догосударственные и раннегосударственные феномены. Жители степи значительно труднее вписываются в зрелое государство, тяготеют к окраине, на которой слабее гнет регулярной государственности. Территории степи оказываются лоном вызревания бунтов, антигосударственных движений, самозванчества. Иными словами, как культурный космос и историческая стратегия Степь качественно противостоит лесной зоне. Суммируя, суть исторического конфликта между ними можно сформулировать следующим образом. Если земледельческий Север последовательно навязывает Степи модель регулярного государства, то Степь пытается навязать зрелому государству свою версию общественного устройства, которая по существу оказывается моделью раннегосударственного или предгосударственного существования. Поэтому история их взаимоотношений полна драматизма.

По мнению ряда исследователей, с XI—XII вв. система лес—степь составляет единое полиэтническое государство. Вспомним, что на заре русской истории племена полян, северян, родимичей вошли в состав Хазарского каганата. Так впервые возникло политическое целое, объединившее земледельческую и кочевую культуры. Далее, Святослав освобождает русские земли от политической зависимости и громит Хазарский каганат. Примечательно, что затем он включает хазарские земли в состав Руси. Это означает, что объединение, охватывавшее лесную и степную зоны, было не случайной политической комбинацией, но устойчивой системой. Русские правители, следующие за Святославом, ведут себя точно так же. Новых кочевников сначала отбрасывают, а затем приводят к покорности тех из них, кто остался в южных степях, и поселяют на границе. Ровно в этой же логике складываются отношения Руси с половцами и, в конечном счете, с татарами. В этой исследовательской перспективе

¹ Гумилев Л Н Древняя Русь и Великая степь М, 1989 С 41

русская история предстает не как борьба двух различающихся сущностей — Руси и Степи, но как *борьба за доминирование* в рамках устоявшегося полиэтнического единства или федерации Севера и Юга. В течение истории такое доминирование несколько раз переходило от одной стороны к другой. Вначале от хазар к Киеву, затем от Владимира к Сараю. Далее доминирование возвращается Москве. Наконец, в XVIII в. Петербург заканчивает объединение всех народов и земель в рамках единого государства.

Понятно, что переходы доминирования от одной стороны к другой не были чисто политическими событиями, но представляли собой выражение исторической конкуренции различающихся стратегий и, соответственно, двух типов государственности: оседлого земледельческого и кочевнического. Каждый раз победитель задавал параметры интеграции, необратимо влияя на побежденную сторону. В конечном счете представляющий земледельческую цивилизацию Север победил, и это было неизбежно. Однако в результирующий синтез вошли огромные блоки культуры кочевого, кочевнического мира.

В сюжете взаимоотношений Севера и Юга можно выделить два больших этапа. Если Киевская Русь искала скорее политического доминирования над степью, то Московия избирает стратегию единого, целостного государства. В практическом плане это означало полное поглощение степи. Москва последовательно поглощает степь, выдвигает границы в глубь "Дикого поля", колонизирует огромные пространства благодатных земель, одно за другим поглощает государства степняков. Классическое противостояние Руси и степи завершается лишь в XVIII в. с покорением Крыма. На самом же деле, с этого момента завершилось военно-политическое противостояние. Степь как космос вошла в рамки русского государства и превратилась в еще один источник внутренних конфликтов. Полная социально-культурная интеграция Севера и Юга не состоялась и вряд ли возможна вообще.

Между Москвой—Петербургом и казачеством идет глухая, не прекращающаяся ни на один день борьба, которая лишь временами взрывается всплесками явных столкновений. Казачество несет в себе иную модель социальности и иную версию исторического развития — версию, реализовавшуюся в тысячелетней истории Великой степи. Государство всасывает его в себя, претворяет в нормальный, легитимный элемент земледельческого общества, последовательно уничтожает Степь с большой буквы. Отметим, что во всех карательных акциях центра — от разгрома степняков в XII в., до расказачивания в XX в. — прослеживается задача не уничтожить, но *подавить* системное целое, придушить процесс естественной самоорганизации казачьего мира и на этих условиях включить его в общероссийский.

При том, что в численном отношении казачество во все времена существенно меньше земщины, оно постоянно подавляемо, ибо несет в себе опасность. В этом смысловом поле лежит самый яркий, травмирующий историческое сознание эпизод — Смута. Упадок земщины уравнивал в силах Север и Юг страны. Последний мгновенно поднялся и попытался навязать большому обществу свою модель социальности. Смута не была всплеском "воровской" стихии. Это был ренессанс стадияльно предшествующей модели социальности. Казачество не победило только потому, что не имело, да и не могло иметь приемлемой для населения России модели социального устройства. Победа досталась земщине непросто и оставила смертельный страх перед стихией казачества. Но и дальше, все крестьянские войны и крупные народные движения проходили с участием казаков. Насельники Степи сложно и мучительно вписывались в государство.

Отметим, что крупные рывки в модернизации России обязательно сопровождались подавлением и разгромом военно-демократической стихии. Разгром Дона, учиненный Петром I в ходе подавления Булавинского восстания, преследовал задачи "подтягивания тылов", жесткой интеграции страны в качественно однородное целое. Уничтожение стрельцов и разгром казачества были условием переломной модернизации страны. Те же цели преследовало и большевистское "расказачивание". От карательных акций Петра оно отличалось лишь масштабами подавления. Общественная ситуация и задачи центра типологически близки. И точно так же, расказачивание было необходимым условием проведения индустриализации. Коллективизация и людоедская, построенная на ограблении крестьянства, индустриализация были бы невозможны, если бы существовало не обескровленное и не задавленное казачество.

Но если укрепление и стадияльное продвижение государства влечет подавление степи, то ослабление и распад последнего — задает всплеск казачьей стихии. За смутным временем следует Гражданская война. Казачество переживает еще один расцвет и на короткое время превращается в фактор, определяющий судьбы России. Традиционные казачьи земли оказались базой Белого движения. С крахом Империи воспроизводится ранняя историческая ситуация и казачество возрождается как квазигосударственный Политический субъект. Внимательный взгляд на карту гражданской войны показывает, что белые сильны до тех пор, пока оперируют на Юге, на территории бывшего Дикого поля, но терпят поражение на границах Московского княжества. Казачество и Население Юга в целом привычно выступили на стороне сил, *противостоящих* центру и обещавших сохранить традиционную автономию. В новой политической рамке развернулась борьба интегристского Центра и вольнолюбивого Юга.

Проблема двух субэтносов русского народа не осознается и не вербализуется в собственном качестве. Возникает ощущение, что эта проблема табуирована, спрятана в подсознание культуры. Между тем, наличие качественно неоднородных Севера и Юга России — реальность. Сегодня мы переживаем эпоху распада прежних интеграторов и кризиса государственности. Активизируются стадияльно предшествующие, архаические структуры и альтернативные механизмы социальной интеграции. В стране разворачиваются процессы регионализации. В этой обстановке нетождественность Юга и Севера становится значимым фактором. Проблема двух субэтносов заслуживает пристального внимания и всестороннего изучения. Стратегия социальной и культурной политики — и это особенно значимо в критические эпохи — должна базироваться на адекватном понимании сложнейших проблем, имеющих огромную историю.